

«Простая вера» патриарха Никифора Константинопольского

Луховицкий Лев Всеволодович

Аспирант Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Центральное место в антииконоборческом трактате патриарха Никифора Константинопольского (758–828 гг.) *Apologeticus atque Antirrhethici* занимает патристический флорилегий [Nisephorus: 813–829]. Сравнение приведенных в нем цитат с содержанием других антииконоборческих флорилегиев (Иоанна Дамаскина, Никиты Мидийского) на первый взгляд вызывает недоумение: ни одна из них не связана собственно с защитой иконопочитания. Их пафос иной – центральным понятием в них оказывается «простая вера» (*hē pistis haplē*), которая противопоставлена «праздным догадкам» и «последовательному изысканию» [Ibid.: 824A.].

Внимательное прочтение всего трактата позволяет понять, с какими целями Никифор подобрал именно такие святоотеческие свидетельства. Дело в том, что вторая часть трактата («Антирретики») представляет собой опровержение иконоборческих трудов императора Константина V (741–775 гг.). На протяжении всего произведения Никифор с большой иронией называет своего оппонента то «мудрейшим» [Ibid: 228B, 280B, 284C, 257B], то «великим философом» [Ibid: 228B], то «догматичнейшим» [Ibid: 269C], то просто «великим учителем» [Ibid: 253C]. Таким образом, защита «простой веры» логично вписывается в контекст трактата.

Отметим, что апология «простой веры» у Никифора выходит за рамки обычного *reiectio rhetoricae* – для него это важный философский принцип, который получает свое обоснование. Так, Никифор доказывает неэффективность метода Константина, заключающегося в поиске первоосновы культа икон, говоря, что «искать начало начала и подтверждение подтверждения» бессмысленно, поскольку каждое новое утверждение потребует еще новых доказательств и цепочка будет тянуться бесконечно [Ibid: 380AB]. По мнению Никифора, некоторые положения должны быть приняты лишь на основе традиции, а вопрос о первооснове ведет в дурную бесконечность.

Тем не менее, ряд особенностей трактата позволяет утверждать, что сам Никифор в своих рассуждениях не всегда полагался на защищаемую им «простую веру».

В первую очередь, обращает на себя внимание использование философского категориального аппарата и *философских termini technici* при вводе цитат Константина. Вопреки ожиданиям, Никифор всегда считает нужным провести грань между своими словами и словами противника, при этом оформляется этот переход, например, следующим способом: «Также и в этом ясно видна слабость и нескладность его слов, так как он выводит следствия противные собственным посылкам» [Ibid: 232B]. В интересующих нас контекстах всегда используются такие слова, как *thesis*, *hypothesis*, *sympereinō*, *kataskueuzetai*, приобретающие в философском дискурсе терминологическое значение: «Кто настолько безумен и дошел до такого предела сумасшествия, что вынесет несуразные и богоборческие речи, выводимые из ваших посылок?» [Ibid: 241D–244A]. Причастие «выводимый» (*heromenos*) может быть заменено на «естественным образом вырастающий» (*fyomenos*) [Ibid: 797D] или «заключаемый» (*perainomenos*) [Ibid: 261B].

Второй особенностью является некая *избыточность доказательств*: в ряде случаев автор предлагает два различных варианта опровержения, которые если и не противоречат друг другу, то существенно ослабляют доказательную силу друг друга.

Поясним на конкретном примере. Известно, что ключевыми в иконоборческих спорах стали вопросы христологии. По мнению обеих сторон, от решения вопроса об изобразимости Христа зависела судьба и всех остальных священных изображений. Константин V предложил следующее решение: Христос *неизобразим* (*agraptos*), *поскольку неопишум* (*apetigraptos*), неопишумость при этом не подвергается сомнению, поскольку является одним из атрибутов Божества и отрицать ее значит утверждать, что

Христос есть «всего лишь человек», т.е. впадать в несторианскую ересь [Ibid: 232C, 236CD, 252AC, 301C]. Теоретически, возможны два пути опровержения этого тезиса: либо отрицать зависимость изобразимости от описуемости, либо, признавая эту зависимость, опровергать саму неописуемость Христа и доказывать, что Он изобразим в силу описуемости.

Посмотрим, какой из путей выбирает Никифор. Сначала он пытается следовать по первому пути, доказывая отсутствие связи между категориями и приводя примеры явлений неизобразимых, но описуемых [Ibid: 360B–364C]). Изображение понимается Никифором двояко: это либо словесное описание, либо искусство живописи [Ibid: 356AB]. В свою очередь описуемость есть способность быть ограниченным некими рамками [Ibid: 356BC]). Таким образом, изображение Христа в красках не делает Его описуемым, а Его изображения допустимы не в связи с Его описуемостью или неописуемостью, но исключительно благодаря Его изобразимости [Ibid: 369C].

Уже эти рассуждения в полной мере опровергают тезис Константина, однако Никифор продолжает размышлять и переходит ко второй линии аргументации: в силу *communicatio idiomatum* Христос не может быть охарактеризован ни как «только описуемый», ни как «только неописуемый». Хотя Божество Христа неописуемо, признание неописуемости ипостаси Христа приводит к ереси докетизма, поскольку делает призрачным и Его крестное страдание [Ibid: 365CD].

Каким образом можно трактовать подобную особенность? С одной стороны, в ней можно усмотреть недостаточную проработанность трактата: стараясь обвинить противника во всех возможных ересях, Никифор сам запутывается и ослабляет доказательность своих аргументов. С другой стороны, возможно, мы наблюдаем здесь пример свободного интеллектуального поиска: Никифор никогда не удовлетворяется одним вариантом аргументации и не может отказаться от возможности посмотреть на тот же вопрос под другим углом. Возможно, именно эта черта, которую Никифор знал за собой, в какой-то мере заставила его так подчеркивать безыскусность и простоту своего метода. Обратим внимание на то, что ближайшие сподвижники Никифора прекрасно осознавали, в чем состоят особенности его доказательного метода и даже в «Житии», образчике достаточно консервативного жанра, Игнатий Диакон прославляет Никифора именно за то, что он «опровергал слова противников логическими приемами и доказательствами» [Vita Nicephori: 210].

Литература:

Nicephorus Constantinopolitanus. Apologeticus atque Antirrhethici Tres // Patrologia Graeca. Т. 100. Paris, 1860. Cols. 206–533, 533–831;
Vita Nicephori // Nicephori Opuscula Historica / Ed. C. de Boor. Leipzig, 1880.